

Теневые стражи бесшумно, один за другим, покинули покои. Вслед за ними увели и Люй Цзиня.

Род Люй из поколения в поколение верой и правдой служил престолу, а его предки и вовсе некогда стояли у истоков основания Империи Великой Ся. Раз уж покойный император даровал этой семье Императорский меч Шанфан, то по закону, если только речь не шла о государственной измене и явном бунте, карать Люй Цзиня смертью никто бы не стал.

Однако то, как сложится его дальнейшая служба и уцелеет ли его голова, теперь целиком и полностью зависело от воли Лу Юя.

В комнате остались лишь Лу Юй, Лоу Цинъянь и Одиннадцатый теневой страж.

Шии почтительно склонил голову и сложил ладони в приветствии:

— Ваше Величество, касательно этого дела...

Лу Юй прервал его коротким взмахом руки:

— Я полагал, они смогут притворяться чуть дольше. Но у них совсем не осталось терпения. Отправь весть в Армию Покорения Севера — мы начинаем раньше намеченного срока.

— Слушаюсь, — отозвался Шии и тут же бесшумно растворился в тенях.

Теперь в покоях они находились только вдвоем.

Лоу Цинъянь попытался подняться, но его ослабевшие ноги подкосились. Он пошатнулся, однако Лу Юй вовремя оказался рядом и крепко подхватил его под локоть, помогая устоять.

Выглядел Лоу Цинъянь сейчас и впрямь жалко: волосы растрепались, едва вернувшийся на бледные щеки румянец снова сошел на нет, а простая нижняя рубаха измялась и потемнела от пролитого чая.

Он лишь горько усмехнулся:

— Похоже, ненавистников у меня хоть отбавляй. Но каково Вашему Величеству... до сих пор защищать меня? Сплошные хлопоты.

Лу Юй слегка нахмурился. Сняв с деревянной вешалки плотный верхний халат, он бережно

набросил его на плечи Лоу Цинъяня.

— Раз уж так, то как ты намерен отблагодарить меня за это покровительство?

Спина Лоу Цинъяня мгновенно задеревенела. Смутившись, он поспешно отвел взгляд в сторону и неловко кашлянул:

— Кхм...

— Не бойся, я не стану тебя неволить, — Лу Юй вовремя дал ему возможность уйти от прямого ответа, сделав шаг назад. — Просто помни о том, что сам пообещал мне тогда, в Императорской тюрьме.

— Пойдите, но в Императорской тюрьме я...

Прежде чем Лоу Цинъянь успел договорить, Лу Юй внезапно прижал указательный палец к его губам, призывая к молчанию.

— Все то, что ты творил на протяжении стольких лет, невозможно просто взять и перечеркнуть одним росчерком пера. И все же я даю тебе шанс искупить вину. Считай, что тогда в Императорской тюрьме ты околдовал меня своей речью... и позволь мне сохранить лицо перед самим собой. Договорились?

Лу Юй говорил о вещах глубоко личных, почти непозволительных для правителя, однако его светло-янтарные глаза оставались непривычно холодными и серьезными. Этим взглядом он безмолвно давал понять: его разум сейчас абсолютно чист, и он полностью отдает себе отчет в каждом слове.

Лоу Цинъяню не оставалось ничего другого, кроме как молча проглотить готовые сорваться с языка возражения и натянуто кивнуть.

На лице Лу Юя тут же расцвела довольная улыбка:

— Вот теперь ты похож на моего дорогого старшего брата.

Он ласково коснулся растрепавшихся прядей Лоу Цинъяня, помогая привести их в порядок, и принялся пристально разглядывать его с головы до ног, будто видел впервые.

Лоу Цинъянь почувствовал себя крайне неловко под этим изучающим взглядом:

— Я сейчас выгляжу слишком неподобающе. Прошу Ваше Величество не смотреть на меня так.

Лу Юй, однако, лишь покачал головой:

— В моих глазах ты прекрасен всегда. Даже сейчас.

Свободный ворот Лоу Цинъяня съехал в сторону, приоткрывая полоску кожи — невероятно белой и манящей на контрасте с темным халатом. С его лица можно было писать картины; даже в рубище Лоу Цинъянь казался сошедшим с небес бессмертным, чья красота лишена всякой земной суетности. Для Лу Юя этот беспорядок в одежде и растрепанные волосы сейчас были куда притягательнее любого строгого придворного одеяния.

Лоу Цинъянь безмолвно замер.

Атмосфера в комнате сделалась удушливой и двусмысленной.

«Сейчас Лу Юй еще держит себя в руках, но кто знает, что придет ему в голову через пару мгновений?»

Поняв, что медлить нельзя, Лоу Цинъянь поспешно произнес:

— Я... я все еще чувствую слабость. Мне необходимо немного отдохнуть.

Лу Юй мгновенно опомнился:

— Разумеется. В этих покоях больше нельзя оставаться, я велю подготовить для тебя другое место. Да и лекарь с минуты на минуту должен прибыть.

Лоу Цинъянь поспешил к выходу, стремясь как можно скорее покинуть эту душную комнату и избавиться от опасного присутствия императора:

— Тогда не будем терять времени...

— Постой.

Лоу Цинъянь в замешательстве обернулся.

Лу Юй слегка потянул его за рукав и одним плавным, неоспоримым движением притянул к себе, заключая в объятия.

Уткнувшись лицом в напряженное плечо Лоу Цинъяня, император сделал глубокий вдох, будто впитывая его запах, а другой рукой осторожно убрал с его шеи мешающие волосы.

— Слова, что сегодня произнес Люй Цзинь... я ведь действительно принял их к сведению.

— Тогда почему же Ваше Величество все еще верит мне? — глухо спросил Лоу Цинъянь.

— Я же сказал: в Императорской тюрьме ты лишил меня рассудка, — Лу Юй приподнял голову, заставляя Лоу Цинъяня встретиться с ним взглядом. — Я вовсе не желаю прослыть безумным тираном. Просто я хочу верить тебе. Если ты искренне раскаиваешься и желаешь все исправить, я даю тебе этот шанс.

Лоу Цинъянь вымученно улыбнулся:

— Премного благодарен Вашему Величеству.

— Не спеши благодарить, — Лу Юй мягко, но крепко обхватил его лицо ладонями, не позволяя отвести взгляд.

Его глаза полуприкрылись, отчего Лоу Цинъяню стало не по себе. По спине пробежал легкий холодок предчувствия беды.

— Что-то не так?

Лу Юй отчетливо, выделяя каждое слово, произнес:

— Старший брат, не смей предавать мое доверие. Сегодня я поверил, что у тебя нет умысла примкнуть к бунтовщикам. Но если однажды я узнаю, что ты лгал мне...

К концу фразы его голос дрогнул от с трудом сдерживаемого смеха, однако этот вкрадчивый тон заставил Лоу Цинъяня покрыться крупной дрожью.

В памяти мгновенно всплыли события прошлой ночи.

Ведь он уже успел тайно отправить послание своим бывшим соратникам. Более того, его конечная цель оставалась неизменной — свергнуть Лу Юя с престола.

По меркам императора, Лоу Цинъянь прямо сейчас занимался гнусным обманом.

Огромный жизненный опыт помог Лоу Цинъяню сохранить лицо: его взгляд остался чистым, невинным и кротким, не выдав ни единой эмоции.

Но мысленно он уже проклинал все на свете.

Увидев в его глазах лишь покорность, Лу Юй с облегчением выдохнул. Тень в глубине его зрачков сгустилась еще сильнее, и он с тихим смешком закончил мысль:

— Я знаю, что ты не заставишь меня страдать. Мне бы очень не хотелось применять к тебе... определенные средства воздействия.

«Раз не хочется, так даже не думай о них, черт тебя дер!»

Лоу Цинъянь едва сдержался, чтобы не скривиться.

Лу Юй отпустил его и улыбнулся так светло и беззаботно, словно снова превратился в того самого послушного младшего соученика, с которым они когда-то вместе постигали учения на священной горе.

Лоу Цинъянь быстро усвоил одно золотое правило: пока вокруг есть посторонние, Лу Юй ведет себя как подобает благопристойному мужу.

Поэтому он наотрез отказался селиться в личной загородной резиденции императора. Вместо этого Лоу Цинъянь вытребовал себе небольшой уединенный домик по соседству и наводнил его слугами, чтобы у Лу Юя не оставалось ни единой возможности застать его наедине.

План сработал безупречно. Даже когда Лу Юй навещал его, он держался на вежливом и чинном расстоянии.

Однако после недавнего покушения здоровье Лоу Цинъяня снова резко пошатнулось.

Придворные лекари лишь разводили руками: они не находили никаких признаков болезни, твердя лишь о крайнем истощении жизненных сил, но причину определить не могли.

Чтобышний раз не подвергать больного дорожной тряске, было решено оставить его в усадьбе у озера Осенней Луны.

Лу Юй тоже не спешил возвращаться в столицу, обосновавшись в своей резиденции неподалеку и разбирая государственные бумаги прямо там.

Дни потекли размеренно и спокойно.

Лоу Цинъянь медленно угасал и вновь шел на поправку, со временем просто смирившись со своим хрупким состоянием.

За это время произошло одно важное событие.

В личной армии князя Цюна вспыхнул мятеж. Не успели вельможи в столице опомниться, как Армия Покорения Севера жестко и молниеносно подавила бунт.

При обыске у мятежников перехватили тайную переписку, на которой красовалась личная печать князя Цюна. Возникли серьезные подозрения, что весь этот мятеж был лишь разыгранным как по нотам спектаклем, призванным скрыть куда более зловещие замыслы князя.

Обвиненный в заговоре и неспособности обуздать собственных подданных, князь Цюн был вынужден немедленно явиться в столицу под конвоем для допроса в Управлении Императорского Рода, где его и оставили под арестом. Его же удельные земли перешли под прямое управление императорского двора.

Этого поворота событий в оригинальном романе не было.

Очевидно, Лу Юй сам спровоцировал бунт и подбросил печать, чтобы под благовидным предлогом лишить непокорных князей власти.

В романе князь Цюн послушно следовал за князем Янем до самого конца, разделив его участь лишь после полного краха заговорщиков. Теперь же из-за глупой попытки подослать убийц к Лоу Цинъяню он досрочно выбыл из игры.

Лоу Цинъянь до конца не понимал, зачем князю Цюну понадобилось устранять его именно сейчас, но интуиция подсказывала: скрытые сюжетные линии, не упомянутые в романе, постепенно начинают выходить на свет.

Система в последнее время хранила молчание. Посоветоваться о дальнейших планах было решительно не с кем.

Но в один из дней в его сознании неожиданно раздался холодный механический голос:

****[Впереди важный развилочный пункт сюжета. Просим хоста сделать взвешенный выбор.]****

Это предупреждение прозвучало без какого-либо контекста и лишь сбивало с толку.

«Что еще за развилочный пункт?» — мысленно спросил Лоу Цинъянь.

Система тут же ожила:

«Тебе будут предложены два варианта действий и показаны их последствия. Выбирай с умом».

«Ты покажешь мне последствия? С чего вдруг такая щедрость?»

«... Сначала посмотри, а потом радуйся».

У Лоу Цинъяня екнуло сердце:

«В чем подвох?»

«После десятого жертвоприношения Лу Юй случайно найдет Амулет Небесного Орла раньше срока. У тебя появится шанс перехватить артефакт до того, как он попадет к нему в руки. Перед тобой два пути: забрать амулет себе или оставить все как есть».

«И каковы последствия?»

Голос Системы стал странно натянутым:

«Результаты представлены в виде образов. Открой вспомогательную панель в своем сознании».

Из любопытства Лоу Цинъянь мысленно нажал на появившуюся кнопку, и перед его глазами мгновенно вспыхнули две живые картины.

Он пережил их от первого лица.

На первой картине сквозь полупрозрачный шелк легких балдахинов мягко струился сладкий аромат благовоний. В полумраке спальни тихо подрагивали огоньки красных свечей. Лу Юй сидел на краю постели рядом с ним и неторопливо, бережно распускал завязки на его одеждах...

«Так, стоп, хватит! Следующую!»

Вторая картина: величественная площадь перед главным дворцом, застывшие друг напротив друга армии. С этой точки обзора Лоу Цинъянь стоял во главе одного из войск. Напротив него, возглавляя две другие стороны, замерли Лу Юй и князь Янь. Оружие обнажено, воздух пропитан жаждой крови.

Видение растаяло так же быстро, как и появилось.

Лоу Цинъянь нахмурился. Второй образ в точности повторял финал оригинального романа, где князь Янь поднял мятеж, а Лоу Цинъянь открыл ему ворота изнутри.

Система не дала прямых ответов, но выводы напрашивались сами собой.

Выбор стоял не просто между действием и бездействием. Это был выбор между следованием канону и полным разрушением сюжета.

Если он оставит все как есть, события вернутся на круги своя. Лу Юй завладеет Амулетом Небесного Орла, раскроет заговор в самый последний момент и сокрушит мятежников на площади. А сам Лоу Цинъянь бесславно погибнет в этой резне.

Но если он заберет амулет себе, Лу Юй лишится этого козыря. Ему придется действовать иначе, и грандиозного противостояния у стен дворца не случится.

Лоу Цинъянь понимал, что путь перемен дает гораздо больше шансов выжить. Вот только почему в случае изменения сюжета он неизбежно окажется в постели Лу Юя?..

Один вопрос не давал ему покоя.

«Даже если я не стану забирать амулет и позволю сюжету идти своим чередом, я ведь могу просто не участвовать в мятеже князя Яня? Зачем обязательно доводить дело до бойни на площади?»

Система бесстрастно отозвалась:

«Таков итог расчетов нашего алгоритма. Это неизбежно. Ты уже пытался сбежать из дворца, но все равно оказался в Императорской тюрьме. Сюжетные нити стягиваются обратно, и ты не сможешь предугадать, какая сила заставит тебя сделать этот шаг».

Лоу Цинъянь стиснул зубы.

Выбор без выбора. Либо императорское ложе, либо плаха.

Проклятье.

В дверь негромко постучали.

— Войди.

Сяо Аньцзы переступил порог и низко поклонился:

— Господин, прибыли посланники из ордена Сюаньюань. Они приглашают вас и Его Величество подняться на гору Сюаньюань. Государь уже дал свое согласие. Выезд назначен на

завтрашнее утро, вам велено готовиться к дороге.

У Лоу Цинъяня по спине прошел леденящий холод.

Теперь стало кристально ясно, почему Система устроила эту проверку именно сейчас.

Лоу Цинъянь оставался старшим учеником ордена Сюаньюань и единственным хранителем их тайных техник. Свергнув его с поста канцлера, Лу Юй был обязан объясниться с могущественным орденом.

В оригинальном романе император запретил Лоу Цинъяню сопровождать его и отправился на гору в одиночку, чтобы договориться с главой ордена.

И именно на обратном пути в столицу он случайно наткнулся на Амулет Небесного Орла.

Теперь же Лу Юй брал его с собой. Значит, Лоу Цинъянь окажется в самом эпицентре тех событий.

Пока в голове Лоу Цинъяня со свистом вращались шестеренки, Сяо Аньцзы нерешительно добавил:

— И еще... Его Величество просил передать вам вот это.

Слуга бережно протянул изящный фарфоровый флакон.

— Что это такое?

Щеки Сяо Аньцзы мгновенно залились густой краской:

— Император... Император сказал...

— Что ты заикаешься? Говори толком.

Зажмурившись от смущения, слуга выпалил на одном дыхании:

— Государь изволил заметить, что следы на вашей шее никак не проходят. Он велел разыскать лучшую Мазь для Удаления Шрамов и передать вам, чтобы вы прилежно пользовались ею. Когда мы поднимемся на гору Сюаньюань, негоже, чтобы старейшины ордена Сюаньюань заметили что-то предосудительное!

Лоу Цинъянь лишился дара речи.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19817/2007561>